

"Кругосветка" через Курьи

Жизнь 500 петроградских детей в Колонии № 2, обосновавшейся летом 1918 года в курорте «Курьи», долгое время оставалась белым пятном в истории «Сухоложья».

И вот теперь, спустя десятилетия, события тех лет восстанавливаются, благодаря поискам потомков тех колонистов и контакту с ними Сухоложского городского музея.

После революции в Петрограде царили голод, эпидемии и разруха. Особенно тяжело было детям. Их решили отправить в «летние колонии» - прообразы советских пионерских лагерей.

Представители общественных организаций ходили по гимназиям, школам и училищам, предлагали ребятам уехать на лето из голодающего города.

Собрали две группы - каждая около 500 человек детей от 3 до 16 лет для отправки на Урал. Тогда ребята думали, что уезжают на летние каникулы.

Дети, которые чуть не умирали от голода и болезней в Петрограде, на вокзале выглядели радостными и возбужденными от ожидания и встречи с не известной им, но сытной жизнью. При прощании с родителями заплакала только одна девочка. Санитарный поезд №101, оборудованный кухней, баней, складами, вагонами-теплушками, тронулся в путь 18 мая с ребятами из Первой Колонии.

Длинный тяжелый состав шел, не спеша, часто останавливался и подолгу стоял, пока в него загружали очередную порцию топлива. А в вагонах становилось все шумнее и веселее. Дети познакомились друг с другом, ссорились, мирились, радовались неизвестности. Уже привыкли к тому, что каждый день есть горячая еда, а вместо доброй мамы - полтора десятка учителей и воспитателей, а также врачи и медсестры. Несколько ослабленных детей из Первой Колонии в пути тяжело заболели, опытный врач З.Д. Еропкина организовала правильное лечение.

И вот наконец Урал, о котором знали немного, в основном, по урокам географии. Неожиданно поезд №101 был остановлен прямо в открытом поле, в вагон зашли солдаты в старинных головных уборах в виде петушиных гребешков с винтовками нерусского образца и стали осматривать вещи и тыкать штыками в заправленные постели.

Взрослые выяснили, что в Челябинске, к которому подъезжали, свергнуты Советы, власть перешла в руки белогвардейцев и чехов.

Откуда взялись какие-то чехи на Урале, что за переворот, никто тогда не понимал, но поняли, что случилось что-то серьезное. Так ребята и воспитатели петроградской питательной колонии стали невольными свидетелями гражданской войны в Сибири и на Урале.

Пока ребята обсуждали причины задержки поезда, а девочки готовы были заплакать, руководителям колонии надо было принимать решение. Прошел досмотр состава и согласование с каким-то местным начальством, поезд с ребятами Первой Колонии двинулся снова в путь, по направлению к городу Миассу. Здесь, в живописном месте возле гор и озера Тургояк, обосновалась Первая Колония.

Для Второй Колонии, квартировавшей позднее в селе Курьи Сухоложского района, путешествие началось так же, как и для Первой. Финляндский вокзал, суматоха, прощание с родными, размещение по вагонам с двух- или трехъярусными нарами.

Впечатлений по пути много, но больше всего внимания ребята уделяют не красотам и достопримечательностям, а тому, чем торгуют на станциях. Еду хоть и исправно выдают три раза в день, но ее все равно не хватает. И данные в дорогу родительские деньги постепенно тают, превращаясь в лепешки, сомнительные пирожки, молоко. Скорее бы уж приехать на место.

Пункт назначения - Петропавловск. Там уже приготовлены помещения для ребят на лето. Но никто, ни ребята, ни воспитатели, ни сам начальник Второй Колонии Петр Васильевич де Жорж не знают, что едут в самую гущу политических и военных событий, которые разворачиваются стремительно и будут безжалостны не только к политическому противнику и классовому врагу, но и к мирному населению.

Проезжая указатель «Европа-Азия», все бросились к окнам, чтобы получше разглядеть этот символический знак, разделяющий две части света.

И вдруг остановка перед станцией Камышлов. Дальше ехать нельзя.

Чехословацким корпусом взяты Челябинск, Златоуст и Петропавловск, куда направляется Вторая Колония. В Кургане и Омске власть тоже контролируется чехами.

“Цепочка ребят растянулась. Наконец вышли на какую-то улицу, где увидели большой 2-этажный дом, окруженный высоким сплошным забором.

Несколько вооруженных солдат следили за тем, чтобы никто не подходил к забору ближе, чем на 15-20 шагов. Неожиданно калитка открылась. Еще один солдат выходил из двора. В это время один из ребят успел заглянуть внутрь, и вдруг все услышали удивленно: “Смотрите! Царь!” Тут же один из солдат вскинул винтовку и закричал “А ну, проходите быстрее!”. “Царь, Царь!”, - пронеслось по цепочке уже шепотом. Те, кто успели еще бросить взгляд через приоткрытую калитку, увидели фигуру невысокого мужчины в военной форме без погон, входящих в дом, о котором сегодня знают все, хотя его больше не существует - дом купца Ипатьева...

Всю дорогу только и говорили, что о Царе. Как бы к нему ни относились, а увидеть вблизи живого Царя, да к тому же Царя уже бывшего, - это что-то да значило. Все чувствовали это, понимали, что случайно оказались свидетелями чего-то необычного, значительного и, кажется, очень печального. Не так им представлялся этот человек, портреты которого еще недавно висели в каждой гимназии, в каждом училище и других официальных учреждениях... И мог ли кто-нибудь из них предположить, что пройдет совсем немного времени..., и выяснится, что они были одними из последних людей, которые видели Николая Романова еще живым...”

Затем пошли в небольшой частный музей, принадлежавший пожилому ученому из Петербурга. В музее осмотрели красивую коллекцию минералов, чучела птиц и животных.

Вскоре де Жорж, найдя нужных людей, договорился с местными властями о размещении детей в пригороде Екатеринбурга, который назывался Курьи и был излюбленным местом отдыха екатеринбуржцев. Здесь были дачи и гостиницы, расположенные в живописном месте на высоком берегу реки Пышмы.

Приехав в это курортное место, преподаватели, воспитатели и группа ребят расположились в гостинице, остальные в отдельных домиках-дачах в парке. Все эти помещения практически пустовали, людям было не до отдыха на курортах. Новое место жительства покоряло своей красотой и, до поры-до времени, относительно спокойной жизнью.

“Девочки поселились в отдельных домиках. Старшим поручили следить за младшими, и девочки со свойственной им ответственностью принялись обихаживать и воспитывать малышей. Бытовые условия поначалу были не особенно хорошими - спали на матрасах, набитых соломой. Тут как разгодились те самые матрасники из грубой материи, которые колонисты взяли с собой. Позже откуда-то появились деревянные кровати. Видимо, удалось заказать их местным столярам. Спать на кроватях все же было удобнее, хотя никто не жаловался и когда спали просто на матрасах. Это было даже как-то романтично и необычно - походный стиль жизни. Ребята были заняты знакомством друг с другом, организацией новой жизни. По дороге из Петрограда, конечно, многие успели перезнакомиться и даже подружиться. Но состав был большой, и знакомства в основном были так сказать “повагонные”. Но и в вагонах девочки и мальчики размещались отдельно, и встречались в основном только на станциях. Когда приехали в Курьи, все снова перемешались, пришлось жить с новыми соседями. Но в детстве и отрочестве дружба завязывается быстро, всегда находятся общие интересы, общие дела. Да и воспитатели и учителя, как это и должно быть, старались объединить ребят, создать для них хорошие условия не только в бытовом, но и в психологическом плане.

Очень скоро кто-то придумал начать выпуск собственного журнала. Название журнала было простым и точным “Колонист”. Статьи, фельетоны, стихи, рисунки - все было посвящено жизни колонии. Что бы ни случилось, все находило свое отражение на страницах этого рукописного журнала. Еще в дороге стало ясно, что почти все ребята очень любят петь, к тому же многие из них обладают хорошим слухом и голосом. Учительница математики Евгения Андреевна Мазун быстро сумела собрать хор девочек и подготовила с ними замечательный концерт. Но проявить свои творческие способности можно было не только в музыке. Для концерта подготовили и драматический номер - инсценировку Тургеневского “Вечера в Сорренто”. В спектакле участвовали и мальчики, в частности Виктор Преображенский. Женские роли исполняли Вера Шмидт, Тамара Мазун и еще несколько

человек. Вера Александровна Шмидт (Линник) вспоминала потом, как она училась ходить в длинном "взрослом" платье, которое ей дала одна из воспитательниц."

Ребятам в Курьях очень нравилось. Теплая летняя погода, целебная вода из источника, красивые окрестности с крутым каменистым обрывом к реке, множество цветов на опушке, ягоды в лесу - все это располагало к отдыху, покою и развлечениям, учитывая, что у более старших колонистов уже по дороге возникли кое-какие особые симпатии и увлечения.

Часто теплой лунной ночью убегали из своих спален и шли на обрыв над рекой, чтобы поболтать, повеселиться. Там назначались и свидания - ведь у многих уже появились свои воздыхатели. Учителя и воспитатели пытались призвать всех к порядку. Среди ночи приходили в спальню и ощупывали постели. Если под одеялом никого не оказывалось, знали, куда идти, чтобы найти подопечных. Одним словом, все было так, как бывает, когда ребята оказываются вместе вдали от дома.

Всеобщим любимцем был "красавчик" в синих штанишках, коричневой курточке и панамке Леня Якобсон, который под свой оркестр танцевал лучше всех. Впоследствии он стал мировой известностью, выдающимся советским хореографом.

В селах Курьи, Валовая жили довольно зажиточные крестьяне. Они имели крепкие хозяйства со скотным двором, курятниками, сами выпекали хлеб. Чаще всего это был белый хлеб, черного курьянские крестьяне не пекли. Колонисты постарше, договорившись с местными жителями, помогали им по хозяйству, получая за работу хлеб, молоко или картошку.

Работать не все хотели, а есть хотелось всем. Спасало еще то, что стояла летняя пора, и можно было наловить рыбы, насобирать в лесу ягод и грибов, но еды все равно не хватало. Воспитатели строго-настрого запретили колонистам ходить к сердобольным местным жителям с жалобами и попрошайничать. Ведь это недостойно столичного жителя - унижаться и просить хлеба.

Но не все могли удержаться от искушения. Ведь у крестьян был и свежий вкусный хлеб, и молоко, и картошка, которую можно было испечь в углях костра. Так что ребята стали тайком убегать в деревни, там ходить от дома к дому и жалобными голосами рассказывать свою горестную историю. У некоторых проявился при этом прямо-таки артистический талант. Им быстро удавалось разжалобить сердца крестьянок, у многих из которых сыновья тоже были где-то далеко. Сначала их призывали на войну с немцами, а потом началась революция, и кто знает, за кого они там воюют и живы ли. Чужие, несчастные, плохо одетые и голодные дети будили в этих женщинах чувство сострадания и жалости. Молодые крестьянки тоже обливались слезами, слушая рассказы "бедных сироток". Они представляли себе своих будущих деток где-нибудь на чужбине, просящих пропитания. Молока уральские

коровы давали, видимо, много, потому что часто детям выносили целый таз с простоквашей. Иногда по простоте душевной говорили: "Кушайте, детки, все равно свиньям выливать!" Иногда не говорили вообще ничего. Просто ставили таз и уходили...

Надо заметить, что свиньи, которых лишали простокваши в пользу детей, в накладе не оставались. Территория курорта "Курьи" была обнесена большим забором, чтобы отдыхающая "чистая" публика случайно не столкнулась по пути с какими-нибудь вольно гуляющими домашними животными, а также, чтобы эти животные не забредали на территорию санатория, не портили газоны и цветники и не шокировали дам и девиц своими не слишком изысканными манерами.

Каково было состояние дел с уборкой нечистот в санатории до революций, мы точно не знаем, но в то лето, когда там разместились детская колония, никто этим вопросом как следует не занимался. В дальнем углу парка около забора стояли деревянные будки с выгребными ямами, емкость которых явно не была рассчитана на такое количество посетителей этих укромных заведений. Поэтому вскоре зайти в будки уже не представлялось возможным, и все вполне естественные проявления жизнедеятельности молодых организмов происходили в непосредственной близости от них. Как уж там разбирались мальчики и девочки с очередностью походов под забор, трудно сказать, но известно доподлинно, что недалеко от этого места в заборе была проделана дырка, через которую колонисты коротким путем ходили в близлежащие деревни, а в обратном направлении в дырку пролезали свиньи.

Угроза эпидемии присутствовала постоянно. Но руководителям Детской колонии чудом удалось уберечь детей от серьезных инфекционных заболеваний.

Колонисты за лето отдохнули, подросли, и растущий организм постоянно нуждался в еде, а ее становилось все меньше и меньше, деньги у руководства тоже заканчивались. Вылазки попрошайек в село Курьи часто не приносили результатов, так как местные крестьянки стали более равнодушными к жалобам "несчастливых сироток". Ребята постарше просили уже не хлеба, а работы. Помогали местным жителям по хозяйству, работали в поле, дергали лен.

А однажды старшие девочки увидели чью-то корову, которую оставили мирно пастись на лугу. Хозяина поблизости не было видно, и девочки решились - они окружили ничего не подозревавшую буренку, делали вид, что рассматривают ее, а в это время одна из девочек, которая, по счастью, бывала раньше в деревне и научилась доить, сумела-таки заставить корову поделиться запасами парного молока. Надоила немного, а корова сообразила, что к чему, и ушла подальше от незаконных посягательств. Но все же по несколько глотков теплого жирного молока досталось каждой из проказниц. Фронт тем временем приближался. "Красные" отступали. Однажды утром ребята и взрослые были разбужены звуками выстрелов. Стреляли совсем

рядом. И вот в парке, где жили колонисты, появились люди с оружием и без оружия, в военной форме и в каких-то лохмотьях. Тут были и бойцы Красной армии, и вольные партизаны. "Белые" теснили их, стремительно наступая с востока. В парке завязывались перестрелки, и иногда пули залетали в помещения, где жили дети.

Кто-то сообразил, что надо лечь на пол или забраться под кровати.

Учительница Елизавета Андреевна Цорн, которую девочки за глаза звали "тетя Лиза", догадалась закрыть окна спальни своих воспитанниц матрасами. Это было правильное решение, потому что пули свистели вокруг и несколько штук все-таки попали в окна.

Матрасы сработали, и пули несколько изменили свою скорость и траекторию. В этот раз никто не пострадал, хотя у некоторых девочек были нервные истерики. Они плакали, лежа на полу, и дрожали от страха. Но таких было мало, и к ним отнеслись с презрением. Многие девочки, наоборот, старались выскочить на террасу, чтобы посмотреть на происходящее. Тетя Лиза в панике пыталась вернуть всех в дом, но это было нелегко сделать. Тем временем прямо здесь, около одного из домиков, убили какого-то солдата. Шальная пуля могла попасть в кого угодно.

Потом пришли люди с оружием, велели всем лежать, что-то искали во всех комнатах, прокалывали штыками соломенные матрасы, подушки, заглядывали под кровати, задавали какие-то вопросы. Иногда на непонятном языке. Младшие начинали плакать, забивались в углы. Старшие пытались успокоить их и объясняли военным, что здесь только дети, просто голодные дети, которым некуда деваться.

Маленькая Валя Яковлева забралась под кровать и сидела там. Потом она выглянула оттуда и увидела огромного человека в красноармейской форме и шлеме со звездой. Он был такой красивый, черноволосый, молодой и статный, что она запомнила его навсегда. Никогда раньше она никаких красноармейцев не видела, но сразу догадалась, что это один из них. По звезде, наверно...

Потом все военные куда-то исчезли, а еще через некоторое время, когда все затихло, и выстрелов больше не было слышно, девчонки побежали к окнам посмотреть, что там делается. Увидели, как по берегу реки проехала телега, на которой были навалены окровавленные тела... Вот тут ужас охватил всех... Такие зрелища не для детских глаз. Но когда телега скрылась из виду, все поняли, что опасность миновала, и вдруг почувствовали страшный голод. Когда "красные" отошли в сторону Егоршино, в Курьях появились военные в иностранной форме, которые говорили на непонятном языке. Это были белочехи. Они, как и красноармейцы, что-то или кого-то искали, врываются в помещения, где жили дети, протыкали штыками соломенные матрасы и подушки.

Полностью заняв село, чехи однажды вечером провели на глазах у колонистов и сельчан группу красноармейцев, взятых в плен. Это были почти мальчишки, которые не совсем понимали эту братоубийственную войну. Молодые парни были связаны друг с другом веревками, а когда их

выстроили в одну линию, раздалась серия выстрелов. Тела стали медленно оседать, кое-где слышались вскрики раненых.

Так колонисты Второй петроградской колонии, жившие в Курьях, встретились с настоящей войной и смертью. После этого Курьи посещали вооруженные люди, непонятно - то ли "белые", то ли "красные", чаще это были просто вооруженные разбойники, грабившие местное население. Заканчивалось лето, с наступлением холодов возникали проблемы с теплой одеждой. У ребят с собой была только легкая одежда, да и та поизносилась. О возвращении в Петроград к началу учебного года нечего было думать. В районах Урала, Поволжья шли ожесточенные бои, и даже если бы удалось договориться с воюющими сторонами о пропуске состава с детьми на запад, это было бы слишком рискованно.

К этому времени стало нарастать беспокойство родителей. Из газет они знали, что на Урале всюду льется кровь. Было ясно, что дети оказались в бедственном положении, а ведь среди них были совсем маленькие.

Был создан родительский комитет, который связался с международными организациями Красного Креста. Вопросом спасения детей занялись шведское и датское отделения Красного Креста, особенно активно помогал шведский пастор Сарве.

Отец двух девочек, живших в колонии №1, Валерий Львович Альбрехт, человек ответственный и деятельный, энергично взялся за дело. А работал он в этнографическом отделе Русского музея.

Комиссаром при Русском музее в 1918 году был Николай Пунин, имя которого всем хорошо известно в связи с именем А.А. Ахматовой. Именно Н. Пунин подписал удостоверение, выданное Валерию Львовичу Альбрехту "на предмет представления куда следует для получения разрешения на поездку в качестве делегата родительской организации 1-й детской питательной колонии Петроградского Областного Всероссийского Союза Городов, находящихся в г. Миассе Оренбургской губернии, и 2-й детской колонии, находящейся в курорте Курьи Камышловского уезда Пермской губернии, с целью обратной доставки колоний в Петроград" 1.

Далее в документе следует личное ручательство Н. Пунина, что тов. Альбрехт является деятельным и ревностным советским работником и никакого отношения к белогвардейским и контрреволюционным организациям не имеет" 2.

Удостоверение, выданное Альбрехту, было датировано 14 сентября 1918 года и подтверждено множеством печатей и подписей. Валерию Львовичу, чтобы его получить, приходилось встречаться с множеством влиятельных людей, в частности, с М. Горьким, Г. Чичериным и Я. Свердловым. Последние двое дали командировочное удостоверение за два фронта. Особенно помог Свердлов. Кроме разрешения на проезд в специальном вагоне, он подписал распоряжение о выдаче 100000 рублей на организацию выезда колоний.

И вот двое отцов - Альбрехт и М. Пржеводский, отец двух девочек из Курьей, отправились в путь, который был довольно долгим. С колонистами они встретились только 18 ноября.

К осени 1918 года в курорте Курьи стало слишком опасно, так как он находился в эпицентре боевых действий гражданской войны. К тому же помещения, где жили колонисты, не были предназначены для зимовки. П.В. де Жорж, П.Ф. Жуков и другие воспитатели несколько раз уезжали в поисках подходящего места для переезда. Только 3 октября они объявили об отправке трёх групп детей (около 200 человек) с де Жоржем в Тюмень поездом через Богданович. Одну группу решили отправить в Ирбит.

Ребята же из Первой Колонии, размещавшейся в Тургояке (Миассе), перебрались в Троицк и Петропавловск. Так 1000 петроградских детей оказались в семи населенных пунктах Урала и Сибири.

С наступлением сентября надо было организовать учебные занятия.

Воспитателей и учителей осталось немного: некоторые ушли в поисках заработка, некоторые навсегда исчезли, бросив подопечных на произвол судьбы. Дисциплина в колониях расшатывалась, ребята начали бродяжничать в поисках еды и заработка. Оставшиеся с детьми воспитатели и учителя чувствовали большую ответственность перед родителями, доверившими им своих чад. Они всячески поддерживали, утешали, заботились о детях в этой сложной ситуации, тем более что приближались холода, и оставаться в тапочках и легких платьях было равносильно смерти. Учителя старались помочь старшим колонистам где-то подработать, но с условием, что они обязательно сообщат о своем местонахождении и по окончании работы вернутся. Для всех существовало негласное правило: приносить что-нибудь с собой из еды для малышей, которые были способны только попрошайничать.

Время шло. Старшие ребята поначалу ходили в школу, младшие часто прогуливали занятия, но никто особенно не обращал на это внимание. С питанием становилось все хуже и хуже. Санитарное состояние комнат, постелей оставляло желать лучшего. Свиристствовали инфекционные болезни. В Первой Колонии, разместившейся в Петропавловске, дети заболели тифом.

А 120 колонистов из курьинского курорта отправились в Ирбит. Старинный город, известный ярмарками, куда съезжались до 100 000 человек, поражал красивыми архитектурными ансамблями, чугунными решетками, резными крылечками, гостиным двором. Важную роль играли богатые купцы, чьи каменные дома чаще всего были двухэтажными и отличались особым убранством.

Прибывших колонистов поселили в один из таких домов, принадлежащих купцу Шеломенцеву. Особняк стоял напротив церкви, и купец отдал его под богадельню, а сам жил в соседнем доме.

Тогда среди купечества было принято заниматься благотворительностью, и Шеломенцев предоставил бывшую богадельню петроградским детям. Все бы

хорошо, но вскоре юным обитателям спать стало невозможно - донимали клопы. Кипяток помогал на несколько дней. Если бы не эти вампиры, то жизнь в Ирбите была бы сносной. Все было организовано так же, как в Курьях: ввели самообслуживание, шефство над малышами, стали учиться. Но недоедание, плохая одежда влекли за собой заболевания воспалением легких и сыпным тифом.

Так прошла зима, наступила весна, а за ней - первые летние дни. И тут случилось несчастье, потрясшее всю Колонию. Несмотря на запреты педагогов, девочки пошли купаться на реку Ницу. Леля Бабушкина, которая не очень хорошо плавала, попала в водоворот. Прибыла лодка со спасателями-гребцами, но девочку нигде не нашли. Только через семь дней объединенный рыбами труп Лели всплыл в нескольких километрах от города. Девочки на похоронах были напуганы и заплаканы. В памяти всплывали картины дурацкой игры в похороны, где Леля изображала покойницу с намазанным мелом белым лицом. Только теперь это была не игра, а потеря подруги наяву.

В это время руководство Колонией и представители от родителей, которые уже побывали в Петропавловске, обратились за помощью в Американский Красный Крест - мощную организацию, действовавшую на территории воюющей России. Его представители находились во Владивостоке, туда через несколько фронтов отправили телеграмму с описанием ситуации и просьбой о немедленной помощи в спасении детей. Вскоре пришел ответ: "Обо всех детях позаботится Американский Красный Крест. Встречайте первых представителей в Омске и получите деньги и одежду для детей". Теперь колонисты знали, что они не брошены на произвол судьбы, что все будет хорошо.

Весной 1919 года под крылом американского Красного Креста находилось уже 967 детей и их воспитателей, которых разыскали в Ирбите, Тюмени, Петропавловске, Кургане, Троицке, станице Уйской. Большую часть детей нашла группа под руководством Карла Ивановича Колеса.

У ребят появилась еда, одежда, а главное - надежда на возвращение домой.

Кто-то даже сочинил неумелые, но искренние строки:

Домой, домой душа стремится,

Каждый день и каждый час.

Когда встаём и спать ложимся,

В голодный Петроград

готовы хоть сейчас!..

Но дорога в Петроград оказалась долгой. Впереди были очередные сотни километров железнодорожного и водного пути, и не на запад, а на восток - всё дальше и дальше от того места, куда так стремились колонисты в своих мечтах.

Никто не знал, что их ждёт впереди. Никто не задумывался, каким образом и благодаря какому волшебнику появились эти чистые, оборудованные вагоны, которые везли их в Сибирь, на Дальний Восток.

Этим волшебником, сумевшим всё организовать так, что колонисты были собраны вместе, что они не испытывали нужды ни в еде, ни в одежде, ни даже в учебниках и тетрадях, что все расположились в трёх длинных железнодорожных составах, был американский доброволец, альтруист, действовавший от имени Красного Креста, Райли Аллен. Он решил во что бы то ни стало доставить детей в Петроград. Мало кто хотел в нестабильной политической и военной обстановке взвалить на себя этот груз, но всё же единомышленники у него были.

Итак, впереди - Владивосток, жизнь на острове Русский, пересечение Тихого океана на японском сухогрузе "Йомей Мару", несколько месяцев жизни в Америке, снова пересечение океана, но другого - Атлантического, и, наконец, переход границы в Финляндии.

Последняя группа детей прибыла в Петроград в феврале 1921 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В декабре 2006 года потомки колонистов, проделав огромную работу по сбору материала об этом необычном "ковчеге", организовали выставку-встречу в Санкт-Петербурге. Удалось собрать всех заинтересованных лиц, консулов США и Финляндии, представителей СМИ и общественности. С Урала прибыли сотрудник Челябинского музея и автор этих строк. А в сентябре этого года в краеведческом музее Сухого Лёга всего один день работала выставка "Над нами Красный Крест". Экспонаты представляла Ольга Ивановна Молкина - внучка двух бывших колонистов, ставших взрослыми и соединивших свои судьбы в одну. Она же является автором книги с одноимённым названием.

Сотрудники Сухоложского музея установили контакт с Григорьевыми - дочерью и внучкой одной из бывших курьинских колонисток. Она с матерью, работавшей кастеляншей, и сестрой попала в Ирбит. Они и не знали, живя в Ирбите, что где-то здесь же, рядом, воюет в полку "Красные Орлы" их отец, потерявший связь с семьёй с первой мировой войны.

А. ВОИНКОВА,
директор музея.